
Юбилейный год и историки революции

Борис Колоницкий

The year of Jubilee and historians of revolution

*Boris Kolonitskiy (European University at Saint Petersburg;
Saint Petersburg Institute for History, Russian Academy of Sciences)*

Можно с уверенностью предположить, что формирование новых направлений исследования Российской революции 1917 г. будет определяться не только сложившейся историографической ситуацией, но и общественными ожиданиями. На протяжении нескольких лет зарубежные коллеги спрашивали: «Как в России собираются отмечать юбилей революции? Как в России предполагают организовать празднование юбилея революции?» Отвечая им, приходилось отшучиваться, вспоминая известную фразу о стране с непредсказуемым прошлым. Тем не менее определённые основания для прогноза всё же имелись¹. Не все высказанные предположения оправдались, но некоторые тенденции легко было предвидеть. Ведь политики и общественные деятели, писатели и учёные, журналисты и кинематографисты располагают весьма ограниченными финансовыми и организационными ресурсами для проведения юбилейных мероприятий, невелик и круг необходимых для них квалифицированных специалистов. Кроме того, основные участники этого процесса связаны своими прежними заявлениями и действиями. Известны, разумеется, случаи, когда взгляды публицистов и даже историков менялись на противоположные, но подобные повороты влияли на их репутацию и, как правило, не всегда способствовали укреплению авторитета. Не менее важны в политике памяти исторические знания и навыки масс, их способность верно воспринимать адресованные им информационные послания. Наконец, любой мемориальный проект нуждается хотя бы в минимальном научном обеспечении. Конечно, придворные историки всегда готовы обслуживать очередной заказ, однако циничные представления о том, что населению можно предложить любой образ прошлого, опасны даже в среднесрочной перспективе. В конце 1980-х гг. мы были свидетелями того, как осознание обществом «белых пятен» истории или её «чёрных дыр» становилось серьёзным фактором политической дестабилизации.

Легко было предсказать, что юбилей станет битвой «истпартов»: о политических взглядах современных авторов часто можно судить по их интерпретациям событий столетней давности. Французский историк Ф. Фюре в конце XX в. мог сказать: «Революция закончилась»². Действительно, память о событиях конца XVIII в. давно уже не является важным фактором, разделяющим французов. Между тем, напротив, «Российская революция продолжается», поскольку значительная часть россиян, в том числе и ряд историков, до сих пор отождествляют

© 2018 г. Б.И. Колоницкий

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 17-81-01042.

¹ *Kolonitskii B. Unpredictable Past: Politics of Memory and Commemorative Culture in Contemporary Russia // 1917: Revolution (Russia and the Consequences). Dresden, 2017. P. 155–167.*

² *Furet F. Penser la Révolution française. Paris, 1978.*

себя с её деятелями. При этом общество расколото в своём отношении к ключевым событиям прошлого. По данным Левада-центра, в 2017 г., оценивая роль Октябрьской революции в истории России, 48% граждан, с той или иной степенью убеждённости, признали её положительной, а 31% — отрицательной³. Близкое распределение (40 и 29%) было зафиксировано Фондом «Общественное мнение» и в октябре 2007 г. Тогда лишь 15% опрошенных сказали, что ничего не слышали о Февральской революции. Однако больше половины тех, кто о ней «слышал», не смогли назвать ничего, с чем бы у них ассоциировалось это событие. Ответы примерно 10% респондентов свидетельствовали о том, что в их памяти слились обстоятельства не только 1917 г., но и 1905 г. Более или менее конкретные, содержательные суждения о происходившем в октябре 1917 г. высказали около 20%⁴.

Отчасти это объяснялось советским наследием: в СССР практически было невозможно не знать что-либо про 1917 год, работы Ленина и резолюции партийных съездов конспектировались уже в школе, все слышали что-то о шалаше в Разливе, о Смольном, об «Авроре» и штурме Зимнего дворца, хотя большинство не догадывалось, насколько их представления были мифологизированы. Октябрьская революция являлась основополагающим советским мифом, и обязательное, неизбежное знакомство с ним даже у многих образованных людей создавало ложное впечатление, будто она «давно изучена» и о ней уже «всё известно». Вместе с тем, по данным Фонда «Общественное мнение», в 2014 г. революция 1917 г. входила в число пяти событий, даты которых, по мнению большинства граждан (более 60%), следовало знать⁵.

Так или иначе, уже в 2016 г. можно было предвидеть, что историки не станут инициаторами какой-либо острой общественной дискуссии о революции. В юбилейный год состоялось несколько крупных научных конференций, на которых звучали весьма интересные доклады. Многие российские исследователи выступали на конференциях, организованных за рубежом. Учёные не остались без внимания СМИ и чувствовали себя очень востребованными. Но всё же голос корпорации историков и в этой обстановке прозвучал недостаточно громко.

Российские историки и их зарубежные коллеги за последние десятилетия проделали большую работу, однако общество далеко не всегда видит в современных исследователях авторитетных экспертов. Если во Франции сменяющие друг друга поколения историков существенно меняли общественные представления о революции конца XVIII в., то в России до сих пор на понимание прошлого сильнее влияют мемуаристы (П.Н. Милюков и А.Ф. Керенский, Л.Д. Троцкий и А.И. Деникин, В.В. Шульгин и Н.Н. Суханов), оказавшие прежде решающее воздействие на формирование «партийных» историографий. Сами учёные, дорожа в первую очередь признанием коллег-профессионалов, зачастую предпочитают находиться в «башнях из слоновой кости». Однако если не произойдёт рационализации исторического самосознания общества, эти башни падут под напором исторического мифотворчества.

³ При этом, согласно опросам Левада-центра, в 1990 г. 6% считали причиной революции «заговор врагов русского народа», в 1997 г. их число возросло до 11, а в марте 2017 г. — до 20% (URL: <https://www.levada.ru/2017/04/05/oktyabrskaya-revolutsiya-2/>).

⁴ URL: <http://bd.fom.ru/report/map/d074421>

⁵ URL: <http://fom.ru/Proshloe/11896>

Постоянно раздаются призывы писать популярные работы. Уже появились весьма удачные издания, предназначенные для детей⁶. Но важно не только сочинять увлекательные очерки о революции, не противоречащие современному научному знанию, но и рассказывать самой широкой аудитории о результатах новейших исследований, дискуссионных проблемах и трудностях их решения. Следует знакомить даже непрофессиональных читателей с методами анализа источников и преодолевать предубеждение, будто общая картина революции уже хорошо известна.

В советское время освещение революции 1917 г. было лениноцентричным, большевикоцентричным и петроградцентричным. И в учебных пособиях, и в пропагандистских материалах, и во многих научных трудах основное внимание уделялось партии Ленина и событиям, происходившим в столице. Противники коммунистов меняли оценки на противоположные, но схема описания оставалась прежней. А поскольку её отличительной особенностью была крайняя персонификация исторического процесса, ход революции и теперь ещё нередко рассматривается как результат действий или бездействия Николая II, Керенского и Ленина.

Кропотливый поиск новых документов позволяет существенно корректировать наши представления. Так, А. Рабинович к 2007 г. завершил свой многолетний труд, посвящённый деятельности петроградских большевиков в 1917–1918 гг.⁷ Он убедительно показал, что отношения в РСДРП(б) были гораздо сложнее (особый интерес вызывает характеристика автором «правого большевизма»), а союз с левыми эсерами являлся более важным фактором, чем считали исследователи. По мнению Рабиновича, в изученный им период ещё нельзя говорить о «партийном государстве», поскольку советские и ведомственные структуры имели тогда больше власти, нежели партийные организации.

Немало новых материалов использовалось в работах А.Б. Николаева (в том числе хранящийся в РГИА огромный массив документов Государственной думы и её Временного комитета)⁸. Тщательно реконструируя события февраля–марта 1917 г., автор раскрыл долго недооценивавшуюся роль Государственной думы в революции⁹. Книги Николаева явно заслуживают большего внимания историков и вновь заставляют задуматься о методах исторического исследования. В частности, в них отмечается, что действия различных участников событий в разной степени документировались, и соответственно максимальный сбор источников может дать асимметричную картину событий. Учёные нередко оказываются заложниками бюрократов и писателей, активно пополняющих коллекции архивов и тем самым косвенно воздействующих на логику и структуру

⁶ *Рогозный П.* Мы живём в 1917 году: Энциклопедия для детей. М., 2017.

⁷ *Рабинович А.* Большевики у власти: Первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2008.

⁸ *Николаев А.Б.* Государственная дума в Февральской революции: Очерки истории. Рязань, 2002; *Николаев А.Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года. СПб., 2005.

⁹ Выводы Николаева произвели сильное впечатление на Ц. Хасегаву: американский историк признал их в докладе (*Хасегавы Ц.* Могла ли Февральская революция быть революцией либеральной? // Эпоха войн и революций, 1914–1922: Материалы международного colloquium (Санкт-Петербург, 9–11 июня 2016 года). СПб., 2017. С. 22–36) и учёл при подготовке нового издания своей книги, в которой на сегодняшний день наиболее полно описан ход Февральской революции в Петрограде (*Hasegawa T.* The February Revolution: Petrograd 1917. Seattle, 1981).

научных текстов¹⁰. Неудивительно, что Государственная дума с её прекрасно налаженной канцелярией могла лучше и полнее фиксировать свои распоряжения, чем, например, Петроградский совет солдатских и рабочих депутатов, аппарат которого только создавался. О действиях же на улицах Петрограда разнообразных групп активистов сохранилось ещё меньше свидетельств. Поэтому, продолжая поиски в архивах и привлекая иные источники, необходимо пытаться преодолеть пресловутую оппозицию «стихийности» и «организованности», то и дело возникающую в работах о Февральской революции¹¹. Возможно, этому способствовало бы изучение политической топографии и революционных традиций российских городов¹².

Особое значение в 1917 г. имела периодическая печать. Власть нередко уходила тогда из традиционных центров принятия политических решений, где профессионально велось делопроизводство. Сохранение административной процедуры, не всегда соответствующей быстро меняющейся реальности, позволяет сохранять налаженный бюрократический механизм, но информационное значение порождаемых им источников существенно меняется. Революционные же структуры быстро возникали и порой исчезали, не успевая создать полноценную канцелярию. Между тем свобода слова, обилие новостей и естественный интерес к ним привели к появлению множества изданий, представлявших даже отдельные оттенки всевозможных политических течений. Использование материалов периодики представляется весьма простым и вместе с тем перспективным, однако исследователь должен обосновать отбор для своей работы тех или иных газет и журналов, а также учитывать специфику их публикаций. К тому же даже в крупных книгохранилищах России далеко не всегда имеются полные комплекты изданий 1917 г., поскольку в условиях революции пополнение библиотек было затруднено. Но и сохранившиеся экземпляры часто находятся в критическом состоянии. Историки, работающие сейчас с ними, понимают, что после них этот источник уже никто не увидит: бумага буквально рассыпается в руках. Остро чувствуется необходимость специальных государственных программ, предусматривающих копирование изданий, и прежде всего тех, которые отсутствуют в крупнейших хранилищах Москвы и Санкт-Петербурга. С другой стороны, следует продолжать изучение прессы. В этом отношении интересен замысел рабочей встречи, состоявшейся в апреле 2017 г. в Йенском университете. Её участники анализировали тот образ будущего революционной России, который создавали русские журналисты. Каждый исследователь при этом детально изучал один печатный орган¹³.

Но интересными труды историков делают не только новые материалы. Методы и приёмы исследования, яркий авторский стиль, точность формулировок и, конечно же, проблематика — всё это привлекает общественное внимание. Так, книгу В.П. Булдакова. «Красная смута: Природа и последствия революционного

¹⁰ О влиянии принципов организации архивов на исследователей см.: *Блоун Ф., Розенберг У.* Происхождение прошлого: «Подлинность» для историков и архивистов. СПб., 2017.

¹¹ О проблеме стихийности революции см.: *Соболев Г.Л.* Февральское восстание рабочих и солдат в Петрограде: Психология коллективного поведения в экстремальных условиях // 80 лет революции 1917 года в России (Республиканская научная конференция): Тезисы докладов и сообщений. СПб., 1997. С. 3; *Старцев В.И.* Стихийность и организованность в Февральском восстании 1917 года в Петрограде // Там же. С. 22–26.

¹² *Колоницкий Б.И.* Политическая топография Петрограда и революция 1917 года (Невский проспект) // Исторические записки. Т. 6(124). М., 2003. С. 327–341.

¹³ URL: http://www.osteuropa.uni-jena.de/pdf/Programm%20Tagung%206_4_2017_A5Flyer.pdf

насилия»¹⁴ читают не только специалисты, хотя она вызвала и вызывает порой неприятие и даже отторжение у части коллег. Действительно, не все заключения автора представляются обоснованными, иногда его предположения кажутся весьма вероятными, но требующими более сильной аргументации. Некоторых читателей раздражает то, что Буддаков намеренно заостряет свои выводы, придаёт им вызывающую форму. Вместе с тем нельзя отрицать, что он указывает на новые проблемы, а это порой не менее важно и сложно, чем введение в научный оборот новых источников.

Актуализации нередко служит и язык описания. Можно привести немало примеров того, как историки используют — с большим или меньшим успехом — современную терминологию. Все мы испытываем воздействие интеллектуальной моды, даже тогда, когда это не осознаём, и даже в тех случаях, если эту моду отрицаем. Но само по себе это не гарантирует востребованности исследований. Какие же тексты, проблемы и темы могут заинтересовать читателя начала XXI века?

Тут, кажется, можно извлечь пользу даже из популярных теперь конспирологических построений. Так, многие авторы уделяют пристальное внимание германским планам «революционизирования» России, деятельности А.Л. Парвуса и денежным средствам, передававшимся большевикам при его посредничестве. Между тем планы «революционизирования» циркулировали в Берлине ещё до появления записки Парвуса и касались не только финансирования российских социалистов¹⁵. Известно, например, о том, что немецкие ведомства поддерживали национальные движения в Ирландии и Индии. Немалые надежды германские эксперты связывали с исламской революцией — восстаниями мусульман в британских и французских колониях, в Российской империи. Мусульмане-военнопленные получили статус особых гостей кайзера, а газета, издававшаяся для них на нескольких языках, называлась «Джихад»¹⁶. Но все эти дорогостоящие планы ни к чему существенному не привели. Усилия спецслужб и пропагандистов, даже подкреплённые значительными расходами, не всегда позволяют вызвать революцию. Да и метафоры «экспорта» или «импорта» лишь отчасти отражают сложнейшие процессы распространения революционности. Перспективнее было бы проследить взаимосвязь кризисов в империях, которые в борьбе друг с другом подготавливали собственный распад. Примером подобного исследования служит книга М. Рейнольдса, который, изучая российские и турецкие источники, описал, как Российская и Османская империи использовали национальные движения и революционные организации в своём противостоянии¹⁷.

Весьма актуальным остаётся изучение политической коммуникации и её инфраструктуры в 1917 г. Ежедневные газеты в начале XX в. играли исключительную роль: рост грамотности повышал спрос на информацию, а телеграф и ротационные машины позволяли быстро предоставлять её огромному кругу читателей.

¹⁴ Буддаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М., 1997 (Изд. 2, доп. М., 2010). См. также: Буддаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015.

¹⁵ О начальном этапе этой политики см.: Колоницкий Б.И. Эмиграция, военнопленные и начальный этап германской политики «революционизирования» России (август 1914 — начало 1915 г.) // Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб., 1997. С. 197–216.

¹⁶ Гилязов И.А., Гатаулина Л.Р. Российские солдаты-мусульмане в германском плену в годы Первой мировой войны (1914–1920). Казань, 2014.

¹⁷ Reynolds M.A. Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires 1908–1918. Cambridge, 2011.

В то же время радио ещё не стало общедоступным. Особенности оповещения населения о положении дел в стране могли существенно влиять на ситуацию в некоторых городах. Так, попытки местных властей скрыть известия о революционных событиях в Петрограде способствовали жестоким восстаниям в Кронштадте и Гельсингфорсе и последующей радикализации матросов Балтийского флота. Пресса влияла и на характер распространения слухов, без которых невозможно представить политическую обстановку во время Первой мировой войны и революции¹⁸. Кстати, специального изучения заслуживает использование слухов ведущими политиками (независимо от того, верили ли они им сами или нет), как для аргументации своей позиции, так и в процессе принятия решений.

Общественные движения начала XX в. заставляют также размышлять о мобилизационном потенциале культуры. Если одна сторона конфликта переигрывает оппонентов в творчестве, которое невозможно игнорировать, она начинает определять язык кризиса. Неудивительно, что сейчас не только марксисты, но и правые популисты, прекрасно осознающие значение культуры для политической мобилизации, проявляют интерес к творчеству А. Грамши и его представлениям о «гегемонии», заметно отличавшимся от ленинских¹⁹. Грамши указывал на важность осуществления классового господства не только в экономической и политической, но и в культурной деятельности, включая воспитание и образование. Этот подход был созвучен идеям некоторых русских марксистов, в частности А.А. Богданова. В мае 1917 г. он опубликовал в газете меньшевиков-интернационалистов статью, в которой на примере большевиков анализировал культ вождя партии. При этом он утверждал, что свергнутое самодержавие продолжает жить в политической культуре России, влияя на её новый государственный и общественный строй, формируемый революционерами. Чтобы избежать этого, политическую революцию следовало дополнить культурной, заменив авторитарные, вождистские принципы демократическими²⁰.

На самоорганизацию населения во время революции большое воздействие оказывала традиция радикализма, которая складывалась десятилетиями и выработала за это время свои тексты, символы и ритуалы. Исследование круга чтения революционно настроенных рабочих показывает, насколько востребованы были различные «сказки», песенники и сборники стихов, популярные описания экономики и исторические романы, созданные и переведённые на русский язык несколькими поколениями российских радикалов. В 1917 г. многие из этих произведений переиздавались, становясь настоящими «бестселлерами»²¹.

После Февраля в России действовали различные партии, однако сфера политической символики была почти монополизирована революционными

¹⁸ Подробнее см.: *Pethybridge R. The Spread of the Russian Revolution: Essays on 1917.* L.; N.Y., 1972; *Аксёнов В.Б. Революция и насилие в воображении современников: слухи и эмоции «медового месяца» 1917 г.* // *Российская история.* 2017. № 2. С. 17–32. О спланированном захвате центров коммуникации в Петрограде в октябре 1917 г. писали практически все исследователи темы, однако вряд ли можно утверждать, что изучение этих сюжетов завершено.

¹⁹ *Грамши А. Избранные произведения. Т. 3: Тюремные тетради.* М., 1959. С. 64, 213, 219, 222 и др.; *Волин М. Учение Ленина о гегемонии пролетариата* // *Российский пролетариат: Облик, борьба, гегемония.* М., 1970. С. 26–50; *Волбуев П.В. Пролетариат – гегемон социалистической революции* // Там же. С. 51–66. См. также: *Соболев Г.Л. Рабочий класс России – решающая сила Великого Октября (Некоторые итоги изучения проблемы в 70–80-е годы)* // *Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году: Сборник научных трудов.* Л., 1989. С. 6–15.

²⁰ *Богданов А. Что же мы свергли?* // *Новая жизнь.* 1917. 17 мая.

²¹ *Pearl D. Creating a Culture of Revolution: Workers and the Revolutionary Movement in Late Imperial Russia.* Bloomington (Indiana), 2015.

и социалистическими символами. Язык социалистов существенно влиял на формирование и «образов врага», и специфической концепции «демократии», которая противопоставлялась не диктатуре и авторитаризму, а «буржуазии». Как отмечает С. Смит, овладение новым политическим языком (знание его слов и способность их интерпретировать) становилось важным источником авторитета. Для неофитов в политике, вовлекавшихся в неё во время революции, эти новые слова обладали почти магической властью, хотя зачастую они накладывались на представления традиционной культуры²².

При изучении культуры революционной эпохи особое значение имеет исследование элементов сакрализации в политике. Так, исследователь культа личности Сталина Я. Плампер пишет о связанной с ним «сакральности», «сакральной ауре»²³. До революции Православная Российская Церковь и самодержавие были связаны и институционально, и идейно, кризис монархии переплетался с кризисом в церковной жизни. Соответственно, дискредитация режима соединялась с десакрализацией фигуры императора, а попытки легитимации новой революционной власти сопровождалась поисками нового центра сакральности. Но если процессы сакрализации политики в период революции испытывали прямое и скрытое воздействие традиционных образцов, то одновременно происходила политизация религиозной жизни, прослеживаемая в разных конфессиях. Это выражалось не только в употреблении революционного политического языка мирянами и священнослужителями. Современники говорили о настоящей «церковной революции» в 1917 г. — свержении епископов, избрании новых глав епархий на фоне острых столкновений клириков и мирян, «чёрного» и «белого» духовенства, священников и низших церковнослужителей и т.п. Показательно, что культурная гегемония социалистов проявлялась и в этих конфликтах: причетники, например, именовали себя «духовным пролетариатом», а своих оппонентов — «церковной буржуазией». Те же, в свою очередь, обличали «социал-дьяконов» и «социал-псаломщиков». Сторонников радикального реформирования Церкви называли «церковными большевиками», а то и «церковными ленинцами», в «церковном большевизме» обвиняли даже некоторых епископов²⁴. Сакрализация политики и политизация конфессий в 1917 г. требуют дальнейшего изучения. Эта тема приобретает особую актуальность ввиду того, что во многих странах привычные, казалось бы, границы секуляризации ныне оспариваются, а процессы десекуляризации, сопровождающиеся нередко конфессиональными и этническими конфликтами, набирают силу.

²² Smith S.A. *Russia in Revolution. An Empire in Crisis, 1890–1920*. Oxford, 2017. P. 352–353.

²³ Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М., 2010. С. 9–10. При этом он основывается на работах социолога Э. Шилса, рассматривавшего переплетения власти, авторитета и сакральности.

²⁴ Rogoznyy P.G. *Церковная революция 1917 года (Высшее духовенство Российской Церкви в борьбе за власть в епархиях после Февральской революции)*. СПб., 2008; Rogoznyy P.G. «Церковный большевизм»: К изучению языка борьбы за власть в Российской православной церкви // *Политическая история России первой четверти XX века (Памяти профессора В.И. Старцева)*. СПб., 2006. С. 329–340.